

Литература

1. *Викторович В. А.* Лажечников Иван Иванович. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994.
2. *Лажечников И. И.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Можайск, 1994.
3. *Мопассан Ги де.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 11. М., 1958.
4. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. СПб., 2010.
5. *Набоков В. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. СПб., 2010.

УДК 821.161.1.09"18"

В. Г. Андреева

*Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
lanfra87@mail.ru*

**РОМАН А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА «НАД ОБРЫВОМ»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ 1860-Х – 1880-Х ГОДОВ**

В статье рассматриваются идейные и художественные переклички романа А. К. Шеллера-Михайлова «Над обрывом» с произведениями писателей первого ряда, анализируется роль реминисценций, способствующих включению романа в полилог русских писателей 1860-х – 1880-х годов.

Ключевые слова: роман, эпический роман, Шеллер-Михайлов, художественные переклички, реминисценции, ассоциативные связи.

V. G. Andreyeva

*Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru*

**ALEKSANDR SHELLER-MIKHAYLOV'S NOVEL «OVER THE PRECIPISE»
IN THE CONTEXT OF THE 1860S–1880S RUSSIAN PROSE**

Ideal and artistic consonances of Aleksandr Sheller-Mikhaylov's novel «Over the Precipise» with the works by writers of the first class of significance are considered in the article, the role of the reminiscences promoting inclusion of the novel in the Russian 1860s–1880s writers' polylogue is analysed.

Keywords: novel, epic novel, Aleksandr Sheller-Mikhaylov, artistic consonances, reminiscences, associative communications.

Творчество Александра Константиновича Шеллера-Михайлова (1838–1900) до сих пор не рассмотрено в нашем литературоведении достаточно полно. Имя этого писателя по-прежнему остается забытым, хотя в последней трети XIX века оно было на слуху почти у каждого образованного русского человека. Творчество А. К. Шеллера-Михайлова во многом является показательным: исследование его романов поможет выявить сложные творческие связи, возникавшие между писателями первого и второго ряда, а также уяснить значимость второстепенных произведений в процессе создания литературных шедевров. Романы «Чужие грехи» и «Над обрывом» – два наиболее значительных произведения Шеллера-Михайлова, художественные миры которых вобрали в себя многие тематические и идейные находки писателей 1860–1880-х годов. В романе «Чужие грехи» ведущей становится детская тема и проблема становления героя в условиях отсутствия нормальной, здоровой семьи (1). А роман «Над обрывом» идейно и содержательно перекликается не только с «Обрывом» Гончарова, но на уровне образов и символов также вступает в диалог со многими произведениями указанного времени.

Одной из ключевых тем этого периода, оказывающейся главной и в романе «Над обрывом», является тема оскудения дворянских гнезд. Вслед за Толстым, у которого «всё смешалось в доме Облонских», Гончаровым, в романах которого центральные герои проявляют неспособность к практической жизни, Терпигоревым (Атавой), посвятившим этой теме книгу «Оскудение», Шеллер-Михайлов ставит в центр романа оскудение дворянской семьи Мухортовых. В реализации данной темы Шеллер-Михайлов примыкает к лагерю писателей-демо-

кратов. Изображая крах Мухортовых, автор намекает на исчезновение целого сословия – русского барства. К концу 1870-х – началу 1880-х годов помещики в качестве «русского барства» исчезают почти полностью. Достоевский, отметив понравившиеся ему в «Анне Карениной» Толстого отдельные сцены, подчеркнул неактуальность изображения в современных условиях прежних красивых дворянских типов: «Красивого типа уже нет в наше время». Выражая недоумение фигурой Левина в финале романа, Достоевский называл его не иначе, как «баричем». А себя он назвал в «Подростке» романистом «случайного семейства».

В романе «Над обрывом» Мухортовы достаточно быстро теряют свою барскую спесь. Роман начинается с приезда госпожи Мухортовой и ее сына, Егора Александровича, в родное гнездо. Для того чтобы спасти имение, молодого Мухортова решают женить на Маше Протасовой – единственной дочери богача Протасова. Шеллер-Михайлов умело вводит в роман подробности, показывающие взаимную выгоду сторон от этого брака: семья Мухортовых будет спасена от разорения, а Протасов приобретет в лице министра Жака, дяди Егора, того человека, который может способствовать быстрому и выгодному разрешению его дел. Но первоначальные планы оказываются расстроеными: взаимная симпатия Маши и Егора, промелькнувшая между ними, не способствует складыванию отношений: Маша Протасова оказывается слишком дикой и своенравной девушкой, которая, на самом деле, ищет себя и свое предназначение в жизни, а Егор Мухортов и не желает жениться, поскольку он связан любовными отношениями с Полей – простой девушкой, с детства жившей в доме Мухортовых.

Очень важным в художественном мире произведения оказывается соотнесение происхождения и возможностей героев к развитию с их реальными изменениями. Первоначальное мнение о персонажах, складывающееся у читателя, впоследствии значительно изменяется. Девушка Поля, беззаветно любящая Мухортова, превращается в существо, одержимое своим чувством, не способное ни к какой деятельности, кроме обожания Егора Александровича. Поклонение Поля своему идолу и ее бездействие перекликаются в романе с ключевым мотивом отсутствия реального дела. Интересно, что и указанный мотив отсутствия реального дела, и описание первого объяснения героев, и тот факт, что молодые женщины (Поля и Катюша Маслова) теряют детей, очень схожи в романе «Над обрывом» и романе «Воскресение». Нехлюдов и Катюша у Толстого в первый раз оба ощущают и понимают взаимное чувство в Пасху, равно как и Мухортов с Полей: «Связь с Полей была единственным темным пятном в светлом прошлом Мухортова. Он сошелся с этой девушкой нежданно-негаданно. За несколько минут до этого события он возмутился бы, если бы кто-нибудь сказал ему, что это событие случится. Он как сейчас помнит эту роковую минуту. Дело было на Пасхе. Он приехал домой поздно вечером, несколько возбужденный шампанским, и встретил в коридоре, проходя в свою комнату, Полю. <...> Он обнял ее и в ту же минуту почувствовал на своих губах град страстных поцелуев вместо трех обычных холодных поцелуев христосования» (9).

Поля уходит из реальной, трудовой жизни, исчезают из нее и все странницы и приживалки, некогда населявшие дом Мухортовых, а при переезде готовые растащить его по частям. В художественном мире романа предельно важно, что изображению этих людей и создаваемых ими сложностей автор уделяет немало внимания: подробно и иронично описанные нахлебники позволяют читателю представить бывшее в прежние времена соотношение людей настоящего труда и приспособленцев.

Одним из самых сложных и неоднозначных в романе «Над обрывом» является образ главного героя. Егор Мухортов, с одной стороны, предстает человеком, испорченным светом и роскошными привычками юности. Не случайно автор дает своему герою «лошадиную» фамилию, ведь «мухортая» – это одна из мастей лошади. «Мухортый» – гнедой, с желтоватыми подпалинами у морды, у ног и в пахах (2, 363). В. И. Даль отмечает также, что «мухортиком» звали малорослого, хилого человека, щеголя и франтика. Вероятно, автор использует

в изображении героя оба эти значения. Получая в наследство долю «животной» природы, герой тратит ее на безрассудную жизнь. Кроме того, Мухортов в том общем художественном пространстве, о котором мы говорили в начале статьи, оказывается соотношенным с другими героями русской литературы. Ю. В. Лебедев, анализируя образ Чичикова и его брички, показывает, как реализм Гоголя вырастает до символа: «“Бричка” – Россия, Селифан – вожатый, а Чичиков? А Чичиков уж не Чубарый ли? Когда в имени Коробочки он раздевается, то отдает Фетинье *«всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю»* (7, 101). Не раз своих героев (Вронского и Нехлюдова) сравнивает с жеребцами и Толстой. В пасхальную ночь Нехлюдов едет на службу «на разьевшемся, отяжелевшем и не перестававшем ржать старом жеребце». Так и Егор Мухортов в начале романа отчасти напоминает читателю жеребца, который, как и его отец, дед, принимает ласки Поли как нечто допустимое и само собой разумеющееся. Но, с другой стороны, Егор Мухортов оказывается способным к нравственному росту, работе над собой.

Характерная для Шеллера-Михайлова тенденция, заключающаяся в изображении периода становления героя, не осталась без упреков со стороны критиков. Во-первых, они были недовольны полюсным изображением мира, тем, что все герои Шеллера-Михайлова четко разделены на положительных и отрицательных. Как писал И. И. Замотин, «один из критиков уподобляет в этом отношении романы Шеллера персидской мифологии, в которой постоянно приходится наблюдать борьбу двух начал – добра и зла» (5, 131). И. И. Замотин, который считал Шеллера-Михайлова одним из самых талантливых писателей среди левых тенденциозных беллетристов, подчеркнул, что сам писатель не отрицал этого деления своих героев, связывая его не с особенностями своего таланта, а просто с отсутствием времени для скрупулезной художественной работы. Нельзя не согласиться со справедливыми суждениями современников Шеллера-Михайлова: полюсное изображение мира у писателя, к сожалению, не приводит к читательскому дорисовыванию художественного мира до реалистической картины. Если в «Господах Обносковых» автору удалось частично избежать указанных пробелов: более глобальный сюжет романа способствовал значительному расширению художественного времени и пространства, то в романе «Над обрывом» мы наблюдаем некоторую фрагментарность художественного мира, которая, кстати, частично преодолевается за счет реминисценций и ассоциативных сопоставлений.

Открытая реминисценция, которую мы видим в заглавии романа, заставляет читателя задуматься над соотношением романа Шеллера-Михайлова «Над обрывом» и романа Гончарова «Обрыв», даже пейзаж у Шеллера-Михайлова очень похож на описание обрыва у Гончарова: глубинный смысл здесь заключается в том, что обрыв, оказываясь в непосредственной близости от человеческого жилья, словно переносится в жизнь людей. По нашему мнению, мало сказать о том, что, как и Вера у Гончарова, Мухортов у Шеллера-Михайлова переживает своеобразное падение, за которым следует подъем и возрождение. Необходимо учитывать и полемичность в использовании символа обрыва, и факт диалога с Гончаровым как автором эпического романа. Посредством указанной реминисценции Шеллер-Михайлов максимально расширяет художественное пространство произведения: над обрывом оказывается русское дворянство, не умеющее работать, не знающее цены труду. Конечно, роман Шеллера-Михайлова по смысловой значимости и глубине сложно сопоставлять с замечательно выверенной архитектурой романа «Обрыв», держащейся на православно-христианском мировоззрении писателя. Но Шеллер-Михайлов изображает и другое время, и другие силы: в этом времени не оказывается мудрого и уравновешенного Тушина – и Егор Мухортов, и Маша Протасова выходят в свое неизвестное будущее.

И здесь прекрасно видно отличие русских романов первого ряда от романов второстепенных, в том числе – произведений Шеллера-Михайлова. Благодаря художественной чутко-

сти и одаренности Шеллер-Михайлов смог уловить общую тенденцию к расширению рамок и границ романа, к выходу на передовые позиции в литературном процессе такого жанра как эпический роман. Но используя для объяснения и изображения событий образы других писателей, включаясь в общую литературную полемику, Шеллер-Михайлов оставлял своих героев «на рубеже», в переломные моменты их жизни.

Фактически отсылая читателя к «Обрыву» Гончарова, Шеллер-Михайлов показывает, что времена изменились, что та вера, которая так же, как и героиня Вера, рванувшаяся к Марку Волохову, была поругана, а потом вставала с колен у Гончарова, в новой обстановке потеряна. Эта настоящая вера подменена игрой. В атмосфере новых отношений главными качествами, необходимыми для сохранения достойного человека, Шеллеру-Михайлову кажется нравственность и способность к самосовершенствованию. Главная беда времени, по мнению Шеллера-Михайлова, заключается в том, что исчезают люди, способные к настоящему делу на благо своей семьи и России. Знаковым в контексте романа становится дневник героя, позволяющий читателю узнать о внутренней работе, происходящей в Мухортове. В дневнике Мухортова появляется образ мужика-священника, строгого до грубости, на которого тяжелая жизнь и нищета наложили болезненный отпечаток. Шеллер-Михайлов рисует образ омужичившегося фанатика, обладающего физической силой и выносливостью, а также особой прозорливостью. Этот образ является одним из ключевых в романе, необходимых для понимания испорченности человеческой природы и непомерной тяжести настоящего труда, лежащего на честных людях в многократных объемах из-за все возрастающего количества нахлебников, к труду не способных. Кроме того, из воспоминаний Егора Мухортова мы узнаем о непростых и болезненных для ребенка отношениях между родителями. В памяти читателя, угадывающего драму в семье Мухортовых, встают образы случайных семейств.

Таким образом, опираясь на открытия и находки современников, осваивая опыт писателей первого ряда, авторов эпических романов, Шеллер-Михайлов значительно расширяет художественное пространство своего произведения, при помощи реминисценций избегает крайней фрагментарности романа, использует для прояснения своих убеждений ассоциативные связи и художественные переключки с другими произведениями.

Литература

1. Андреева В. Г. «Господа Обносковы» А. К. Шеллера-Михайлова и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: художественные заимствования, генетические и типологические сходства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 1. С. 3–7.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Диамант, 1996.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
4. Жучкова Е. Н. Романы А. К. Шеллера-Михайлова 1860–80-х годов: Поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/romany-ak-shellera-mikhailova-1860-80-kh-godov-poetika-zhanra> (дата обращения: 31.01.2015).
5. Замотин И. И. Тенденциозная беллетристика 60–70-х годов // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Вып. 19. М., 1910. С. 129–159.
6. Игнатова Н. И. Художественная литература и критика 70-х годов // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Вып. 19. М., 1910. С. 53–102.
7. Лебедев Ю. В. «О слово русское, родное!» Страницы истории отечественной литературы. Кострома, 2014.
8. Скабичевский А. Александр Константинович Шеллер // Шеллер А. К. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1904. С. 5–32.
9. Шеллер-Михайлов А. К. Над обрывом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shellermihajlow_a_k/text_0090-2.shtml (дата обращения: 21.03.2015).